

Издатель

ФГБОУ «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Литературный журнал

Verba

<https://verba.petrso.ru>

Выпуск 10 (№), 2025

Главный редактор

И. В. Львова

Редакционная коллегия

И. В. Львова

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Ленина, 33.

E-mail: verba@petrso.ru

<https://verba.petrso.ru>

Переводы

Яльмар Сёдерберг. Поэты и обыватели

КОНОВАЛОВА Мария
Александровна

ПетрГУ (П),
ilvovaster@gmail.com

Вчера среди мирской суеты я повстречал самого юного из наших великих поэтов. Был поздний вечер. Мы прохаживались туда-сюда по улицам и не сразу заметили, что начался дождь. Я, не будучи поэтом, во всяком случае, настоящим поэтом, обратил на это внимание первым, и мы направились в сторону большого лилового пятна света, мерцающего где-то за пеленой дождя, прошли сквозь двери, бросили наши промокшие пальто бывшему министру, который по экономическим соображениям предпочел это временное убежище президентскому чину, и уселись на диван.

Людей было немного. На диване напротив одиноко сидел епископ Биллинг с абсентом и сонно слушал «Ларго» Генделя. За столом рядом с нашим расположились три или четыре приличных обывателя и говорили о гренгесбергцах, вивставарвцах^[1] и прочих.

Мы же говорили о поэзии.

— Скажи, Габриэль, — спросил я. — Как ты на самом деле пишешь стихи? Я имею в виду технику. Что касается меня, я поступаю так: если, например, хочу срифмовать слово *боль*, то пишу в алфавитном порядке список слов со всеми возможными рифмами: *Ассоль*, *бемоль*, *вдоль* и так далее, вплоть до *фасоль*. Потом вычеркиваю очевидно бедные рифмы и среди оставшихся нахожу нечто действительно стоящее. Но, само собой, иногда случается, что рифма, которую я сперва счел неподходящей, оказывается способной прозвучать на удивление свежо и оригинально и может дать всей поэме новый поворот, которого я изначально не задумывал. Это и называется вдохновением. Ты не поступаешь так же?

Поэт широко раскрыл свои огромные серо-голубые глаза и уставился на меня, словно пораженный ужасной картиной. Затем он разразился смехом.

— Нет, — сказал он, — нет! Этот способ я никогда не пробовал. Я просто закрываю глаза. И оно приходит! Тогда я начинаю писать — без остановки, пока не устанет рука. И когда я потом читаю написанное, часто меня ждут приятные сюрпризы. Иногда я, быть может, меняю запятую то тут, то там...

Смутившись, я замолчал. В душе я, однако, остался при своем. Ведь для того, чтобы найти лучшую рифму, единственно верную, необходимо ясно представлять себе, из чего можно выбирать. Это казалось ясным как белый день.

Обыватели перешли к «Паутине» в Театре Васа. В частности, там была сцена, которая произвела на них особое впечатление: та, в последнем акте, когда один герой дарит другому чек на 250 000 крон. Подумать только: *двести пятьдесят тысяч*!

— Да, но не было ли это все-таки *несколько* неестественно? — поинтересовался один из них.

— Зато это было красиво! Красиво, черт возьми!

Двести пятьдесят тысяч. Тон, которым произносились эти слова, был невероятно серьезен. Слышалась в нем истинная, неподдельная богобоязненность. И я подумал: эти люди почитают своих богов больше, чем я почитал моих.

Я очнулся от мыслей, когда Габриэль внезапно хлопнул меня по руке:

— Там Макс!

Это действительно был наш общий друг Макс, молодой поэт с философским складом ума. Он остановился у дверей и внимательно оглядывался, словно искал кого-то. С его пальто и шляпы стекала вода. Увидев нас, он рассеянно кивнул – мы помахали, чтобы он подошел к нам, но он по-прежнему стоял и осматривал все вокруг пытливым взглядом из-за очков.

Габриэль изучал его с напряженным интересом:

– Взгляните на него, – сказал он. – Сейчас он сомневается в реальности происходящего.

Что до меня, я этого не заметил, но предположение показалось мне весьма разумным. Такое сомнение само по себе вполне оправдано. А Макс, несмотря на свою молодость, повидал немало стран и народов, и испил из древних, отчасти заболоченных источников мудрости. Он снял шляпу и сделал несколько шагов в нашу сторону, но снова остановился и, прищурившись, наблюдал за парой изрядно подвыпивших командоров ордена Васы. Его угольно-черные волосы спадали длинными прядями по обе стороны большого, куполообразного сократовского лба, а на миниатюрной, изящно выточенной нижней части лица маленькие алые губы шевелились, складываясь в таинственную улыбку, которая, казалось, выносила командорам окончательный вердикт: *нереальны!* Он прошествовал мимо них и, наконец, направился к нам, но внезапно остановился возле стола обывателей, вытянул трость в сторону самого толстого из них – того, который только что сказал «*двести пятьдесят тысяч*», и осторожно дотронулся до него рукояткой.

Мужчина сидел, не произнося ни слова, и, казалось, был близок к апоплексическому удару. Один из его товарищей попытался сказать что-то, но сумел лишь выговорить: «Господин... господин!»

Однако Макс, казалось, приятно удивленный тем, что его трость действительно наткнулась на некий твердый предмет, уже утратил к ним всякий интерес и спокойно обернулся к нам: «Позвольте присесть?»

Тем временем толстяк постепенно пришел в сознание. Он приподнялся, но тут же рухнул обратно: «Господин! Хам! Как Вы смеете? Мое имя...»

Макс с изумлением наблюдал за ним, будто никогда прежде не видел. Возможно, так оно и было. Он не понимал ровным счетом ничего из происходящего, кроме одного: его, ни в чем не повинного, оскорбляет посторонний мужчина, за что, согласно древним законам чести, следовало отплатить той же монетой. Наш друг сделал величественный жест презрения, будто отстраняя от себя все общество:

– Имя? – произнес он. – В нем нет нужды! Придатки современной экономики! Ваши имена мне не интересны! Я выйду и сниму пальто, – обернувшись к нам, добавил он.

Воцарилась тишина.

Настроение придатков было испорчено. Они поспешно рассчитались и собрались уходить. Взгляды, направленные в нашу сторону, были лишены какой бы то ни было симпатии.

Габриэль счел, что ситуация требует разъяснений.

– Сударь, – сказал он толстому господину. – Наш друг – поэт и философ. Уверяю, он не имел и тени намерения оскорбить Вас, когда прикоснулся к Вам своей тростью. Он лишь хотел развеять свои сомнения относительно того, что Вы – реальные...

Придатки нас уже не слышали.

– Только бы они теперь не забили его там насмерть, – проговорил Габриэль.

Мы долго сидели обеспокоенные и ждали. Макс не вернулся. Боюсь, они поставили под сомнение его реальность.

Hjälmar Söderberg

Skalder och folk

I går mötte jag i världsvimlet den yngste af våra stora skalder. Det var sent på kvällen. Vi drefvo af och an på gatorna och märkte knappt att det hade börjat regna. Jag, som inte är skald, åtminstone ingen riktig, var den förste som iakttog det, vi styrde kurs på ett stort, ultraviolettljusklot som skimrade fram ur regndiset någonstans, stego in genom en port, slängde våra drypande rockar åt ett förutvarande stats- råd, som af ekonomiska skäl hade föredragit denna reträttplats framför ett presidentämbete, och sjönko ner i en soffa.

Det var inte mycket folk. I soffan midt emot satt biskop Billing ensam vid sin absint och lyssnade drömmande till Händels Largo. Vid bordet bredvid vårt sutto tre eller fyra goda skatteobjekt och talade om grängesbergare, vifstavarfvare och så vidare.

Skalden och jag talade om poesi.

– Säg, Gabriel – frågade jag – hur gör du egentligen när du skrifver vers? Jag menar med tekniken. För min del gör jag så här: om jag till exempel skall rimma på *smärta*, så gör jag upp en lista i alfabetisk ordning på alla tänkbara rim: *aphjärta*, *Berta*, *bjärta* och så vidare ända ned till *ärta*. Sedan stryker jag öfver de uppenbara nödrimmen och bland återstoden hittar jag alltid något som duger. Men det förstås, ibland händer det också att ett rim, som jag först har strukit bort som nödrim, visar sig kunna verka öfverraskande friskt och originellt och ge hela poemet en ny vändning, som jag inte hade tänkt på från början. Det är det som kallas inspiration. – Gör du inte också på det sättet?

Skalden spärrade upp sina stora stålblå ögon och vildstirrade på mig som slagen af en skräcksyn. Så brast han i skratt.

– Nej, sade han, nej! Den metoden har jag aldrig försökt. Jag bara blundar. Så kom- mer det! Och så börjar jag skriva – i ett, i ett, ända tills jag blir trött i armen. Och när jag sedan läser det skrifna, bjuder det mig ofta på lyckliga öfverraskningar. Ibland ändrar jag kanske ett komma här och där ...

Jag blygdes och teg. Men inom mig höll jag i alla fall på min metod. För att kunna finna det bästa rimmet, det enda rätta, måste man ju ha klart för sig hvad det finns att välja på. Det tyckte jag var solklart.

Skatteobjekten talade om »Spindelväfven» på Vasateatern. Det var isynnerhet en scen som hade slagit an på dem: den scen i sista akten, då den fina skojaran ger den tarfliga skojaran i present en check på 250,000 kronor. Tänk: *tvåhundrafemti tusen!*

– Ja, men var det inte ändå *litet* onaturligt? undrade en af dem.

– Det var stilig i alla fall! Tammefan var det inte stilig!

Tvåhundrafemti tusen. Den ton hvori orden uttalades var gripande allvarlig. Det låg sann och oskrymtad gudsfruktan i den. Och jag tänkte: de där vörda sina gudar mer än jag har vördat mina.

Jag spratt upp ur mina tankar vid att Gabriel plötsligt högg mig i armen:

– Där är Max! sade han.

Det var mycket riktigt vår gemensamme vän Max, en ung skald med starkt filosofisk läggning. Han hade stannat vid dörren och såg sig omkring med spanande blickar, som om han sökte någon. Han hade rock och hatt på och dröp af vatten. Då han fick se oss, nickade han förströdt – vi vinkade åt honom att komma till oss, men han blef alltjämt stående och såg sig omkring med forskande blickar bakom glasögonen.

Gabriel betraktade honom med spänning:

– Se på honom, sade han. Nu tviflar han på fenomenens verklighet.

Jag kunde för min del inte direkt se det på honom, men det föreföll mig mycket rimligt. Ett sådant tvifvel har i och för sig mycket för sig. Och Max har sett många länder och folkslag och trots sin ungdom druckit ur gamla och halft igengrodda vishetsbrunnar. Han tog af sig hatten och gick några steg i riktning mot oss, men stannade åter och betraktade närsynt och forskande ett par starkt berusade kommandörer af vasaorden. Hans ramsvarta hår föll i långa slingor och stripor ned kring den stora, hvälfda tänkarpannan, och i det miniatyraktigt finskurna underansiktet rörde sig de små röda läpparna och formade sig till ett mystiskt leende, som tycktes utsäga slutdomen öfver kommandörerna: *overkliga!* Han skred förbi dem och styrde ändtligen kurs på oss, men stannade plötsligt framför skatteobjektens bord, sträckte ut käppen mot det tjockaste af dem, det som nyss hade sagt: tvåhundrafemti tusen, och petade försiktigt på honom med käppkryckan.

Mannen satt mållös och såg ut att vara nära ett slaganfall. En af kamraterna försökte säga något, men kunde blott få fram: herre ... herre!...

Men Max, som tycktes gladt öfverraskad öfver att hans käppkrycka verkligen hade stött emot något slags fast föremål, hade redan förlorat allt intresse för dem och vände sig lugnt till oss: får man slå sig ner?

Men den tjocke hade så småningom kommit till medvetande. Han reste sig till hälften, men sjönk genast ner igen med en duns: Herre! Lymmel! Hvad understår ni er? Mitt namn är ...

Max betraktade honom förvånad, som om han aldrig sett honom förr. Kanske hade han det heller inte. Han förstod ingenting af alltsammans, annat än att han fullständigt oskyldigt blef okvädad af en främmande karl och att han enligt urgamla hederslagar måste betala med samma mynt. Han gjorde en sublim gest af förakt som tycktes skjuta undan hela sällskapet:

– Namn? sade han. Behöfs inte! Utväxter på det nutida affärslifvet! Namnen intressera mig inte! – Jag går ut och tar af mig rocken, sade han vänd till oss.

Det blef en stillhet.

Utväxternas glädje var störd. De gjorde skyndsamt upp och beredde sig att gå. De blickar de kastade bort åt vårt hörn voro blottade på sympati.

Gabriel ansåg situationen kräfvat en förklaring.

– Min herre, sade han till den tjocke herrn, vår vän är skald och filosof. Jag ber er vara öfvertygad om att han icke hade den ringaste afsikt att förnärma er då han berörde er med sin käppkrycka. Han ville bara öfvertyga sig om att ni var verklig ...

Utväxterna voro redan utom hörhåll.

– Bara de nu inte slå ihjäl honom därute, sade Gabriel.

Vi sutto länge oroliga och väntade. Max kom icke tillbaka. Jag är rädd att de ha gjort honom överklig.

[\[1\]](#) Грененгсбергцы и вивставарвцы – жители регионов, славившихся своей железнорудной промышленностью и судостроением.